

Внешняя политика – цель или средство?

Вопрос о целях внешней политики и ее отношениях с политикой внутренней является сегодня крайне актуальным в условиях, когда Россия испытывает неопределенность в отношениях с внешним миром и переживает, при этом, экономический кризис, который может перерасти в политический. Проблема приложения ресурсов в этих обстоятельствах заставляет задуматься о максимально эффективном целеполагании как во внешней, так и во внутренней сферах и об их относительной важности.

Я предлагаю принять крайне простую реалистическую идею о том, что высшей ценностью любого государства является выживание, и эта константа не слишком зависит от духовных ориентиров, доминирующих в стране. В этом контексте не существует, по большому счету, сущностной разницы между внутренней и внешней политикой. Опасности, считающиеся внешнеполитическими, могут подстерегать государство вследствие неудач во внутренней политике – как это случилось в конце XVIII в. с пережившей внутреннюю деградацию и лишь затем захват Речью Посполитой. Верным может быть и обратный случай – распад СССР на отдельные республики был во многом спровоцирован внешнеполитической конфронтацией с США, на которую у страны не было ресурсов. Однако разделение политики на внешнюю и внутреннюю сферы может стать плодотворной моделью анализа, если мы немного сместим фокус и будем говорить не о разных сферах приложения ресурсов, но о внешних и внутренних ресурсах политики.

Внутренние ресурсы – это материальные (военная сила, экономическая мощь) и нематериальные (способность к разработке и внедрению инноваций) источники способности государства к выживанию. Их важнейшей чертой является независимость от внешней конъюнктуры – действий и ресурсов других государств. Количество авианосцев у США не изменится от похолодания отношений между Японией и Китаем. Внутренний ресурс может быть задействован всегда и может быть отчужден лишь прямым физическим вмешательством.

Внешний ресурс – это способность государства предпринимать акции в отношении других государств, зависящая от их состояния и отношений с третьими силами. Почти безупречным использованием внешнеполитического ресурса может служить циркуляр Горчакова 1870 года, восстановивший права России на Черном море. Канцлер воспользовался катастрофическим положением Франции, при этом, нельзя сказать, что внутренние ресурсы России 1868 года радикально отличались от таковых в 1870 г.

Таким образом, вопрос о внешней и внутренней политике государства предстает вопросом о преимущественной максимизации внутреннего или внешнего ресурса. Они оба могут обеспечивать увеличение способности к выживанию, однако в долгосрочной перспективе стоит отдавать предпочтение внутренним ресурсам. Во-первых, лишь их государство может по-настоящему контролировать, внешние же ресурсы – всегда плод усилий (весьма хаотичных) большого числа игроков. Во-вторых, только внутренний ресурс по-настоящему обеспечивает среду для воспроизведения мощи – США были уже к Первой Мировой войне фактически готовы к роли мирового лидера, а позже мощь американской экономики и общества помогала им переживать самые тяжелые ситуации на международной арене. СССР же, ведя в 60-е – 70-е успешное внешнеполитическое наступление, необходимых резервов не имел.

Россия не должна (и не может) отказываться от активной внешней политики, но необходимо понимать, что успехи в ней почти никогда не бывают окончательными. Вернется старый

противник, появится новый. В этом случае решающее значение для выживания приобретает способность генерировать мощь внутри себя и лишь затем – внешнеполитические успехи. Создание такой среды должно стать главным императивом, определяющим политику России. Наивно надеяться, что разовые акции вроде сирийской или крымской (определенные выгоды от которых нельзя отрицать) сделают для укрепления России больше, чем устойчивый рост.